

Плач не приносил облегчения, как, например, рыдания в объятиях Ино или матери, а лишь чувство, что за ней наблюдают, осуждают и считают ненужной.

Она плакала негромко. Сакура тут же подавила рыдания, превратив их в резкое, рваное дыхание, как умеют только дети, которые поняли, что плач только привлекает хулиганов, и яростно провела по щекам основаниями ладоней. У нее было ощущение, не обязательно подкрепленное слуховыми данными, что гражданские шепчутся о ней.

Это же чувство подсказывало ей, что Какаши-сенсей смотрит на нее с разочарованием, поэтому она изо всех сил пыталась остановиться и старалась не встречаться с ним взглядом. Но остановиться было невозможно. И только когда у нее началось серьезное кровотечение из носа, слезы начали стихать, и она смогла порываться в сумке в поисках салфетки, вынырнув оттуда, где она подтянула колени к груди.

Она, конечно же, нашла, ведь Сакура приучила себя к тому, что никогда не выходит из дома без пачки салфеток и тюбика блеска для губ. Даже Ино не могла сделать насморк привлекательным.

Приведя себя в порядок, как могла, - тыльная сторона руки все еще вяло сочилась кровью, а порез на лице кровоточил все сильнее, - Сакура посмотрела на руку, в которой была зажата салфетка.

"Какаши-сенсей, я...", - слова словно застряли у нее в горле. Она одновременно и хотела, и не хотела говорить о том, что произошло. Часть ее считала, что будет лучше, если Какаши-сенсей скажет ей, что все будет хорошо, другая часть настаивала на том, что он не поймет, что она чувствует, - болезненно острую смесь вины и облегчения.

И говорить было больно, не только эмоционально, но и физически - раны, которые болели даже в разгар боя, теперь казались гораздо серьезнее.

Инстинктивно поднесла руку к порезу на лице, девушка заметила, что Какаши-сенсей не нависает над ней, как она ожидала. Вместо этого он присел. Не настолько близко, чтобы теснить её, но достаточно близко, чтобы как-то утешить. Какаши-сенсей не был холодным, по крайней мере, после битвы с Забузой, в которой он казался совсем другим человеком, но и теплым его тоже нельзя было назвать.

"Сакура-тян, - сказал он почти нежно, - почему бы тебе не пойти с этим милым молодым человеком и не полечить их?" Его руки поднялись к лицу, затем переместились к ней, указывая на ее собственные раны. "Похоже, они болят. Пока что я позабочусь здесь. Поговорим позже, хорошо?"

Сакура пошатнулась и поднялась на ноги, хотя ноги дрожали, и ей показалось, что она сейчас рухнет на землю. Она притворилась, что хотела выхватить ножи, но когда они оказались у нее в руках, она не знала, что с ними делать. Она хотела с воплем бросить их на землю и пойти вымыть руки, потому что оба были липкими, а один теплым, и ей хотелось заболеть, но вместо

этого лишь крепче сжала их. Если она не хотела проиграть Ино, то хотя бы не могла болеть на людях. На кону стояла не только ее гордость как ниндзя, но и гордость как женщины.

Поэтому, сделав глубокий вдох, который ничуть не успокоил ее, лишь вызвав вонь смолы и расплавленного пластика, Сакура позволила отвести себя в клинику. Врачом оказалась коренастая женщина средних лет, которая сразу же ужаснулась ее внешнему виду. Сакура почувствовала себя еще хуже, прежде чем врач достала иголку и нитку, но жжение от того, что все было вычищено и продезинфицировано, помогло ей отвлечься, чтобы прокрутить в голове только что случившееся.

Сакура прослушала все уроки по компартиментализации, рационализации и прочим техникам преодоления трудностей, которые понадобятся им как шиноби в полевых условиях. Она смотрела те же фильмы, ей показывали те же картинки, она посещала те же демонстрации, что и остальные ученики ее класса. Ей казалось, что она подготовлена.

Никто никогда не спрашивал Сакуру, хочет ли она быть ниндзя, но она и сама никогда не хотела быть кем-то другим.

Это было просто то, чем занималась ее семья. Они не были похожи на большие кланы: Сенджу, Хёуга или Учиха. Ни одна из сторон не участвовала в войнах, поэтому их семья была небольшой - ее отец потерял всех трех братьев и сестер, а у матери была сестра, которая выжила в тяжелых боях, но ее тело было объявлено невосполнимым после неудачной миссии по зачистке, - и у них не было никаких отличительных техник, но они были верными солдатами деревни.

До сих пор она считала, что готова к этому. Что она знает, что значит быть шиноби.

Что значит отнять чужую жизнь. Рисковать собственной жизнью. Снова, снова и снова. Она не могла решить, что было хуже - сама схватка или ее разрешение. Она все еще чувствовала ужас от того, что ее преследует более сильный противник, тот, кто безжалостно прикончит ее, если поймает, но она также ощущала жар огня, бьющегося о ее кожу.

Она вздрогнула, за что получила упрек от доктора. После этого Сакура старалась не шевелиться, но то, что должно было быть легким, с изнеможением превратилось в испытание. Воспоминания словно давали ей время нагнать их. Она отгоняла их, пыталась заменить любимыми фантазиями о Сасукэ-куне, но они просачивались обратно, куда более острые и яркие.

Ее преследовали серебряные глаза, а не темные, которые она так долго надеялась обратить в свою сторону.

Но наконец все закончилось.

На порез от края губ вдоль щеки пришлось наложить швы, и хотя сейчас он был закрыт

повязкой, она очень стеснялась этого, оттопыривая края повязки, когда смотрела на себя в зеркало. Царапину вдоль брови оставили незакрытой, и она представляла собой уродливое поле развивающихся струпьев, но от осознания того, что ее улыбку на долгие годы будет подчеркивать шрам, у нее защемило в груди.

Доктор нашел для нее повязку для волос, чтобы заменить шемаг Маса, и она провела руками по изношенной, но, как он и обещал, чистой ткани. Когда-то она делала то же самое с лентой Ино, снова и снова наматывая и перекручивая ее в пальцах. Когда-то это успокаивало.

Когда-то самым страшным в ее жизни были хулиганы на детской площадке.

В конце концов Сакура собралась с силами и вышла из маленькой ванной комнаты, где она расчесывала волосы, и попыталась вернуть шарф Маса, поблагодарив его. Но он с ухмылкой принял шарф из ее рук и игриво повязал его вокруг шеи. "В знак благодарности за то, что вы спасли всех нас сегодня", - сказал он.

"Вот, сложи его вот так", - предложил он и ловкими руками сложил и завязал его так, что он образовал высокий гребень перед ее лицом. "Вот так. Это может сделать его менее заметным, пока он не заживет. Было бы лучше, если бы ткань была поновее, но я все равно думаю, что это выглядит мило".

Сакура подмигнула ему, а затем повернулась так, чтобы видеть себя в зеркале. Зеркало было не настолько высоким, чтобы полностью скрыть ее, если только она не пригнет голову, но оно создавало некий визуальный барьер, отвлекающий внимание от повязки. По какой-то причине это облегчило ее настроение, но что действительно, почти беспричинно, казалось, ослабило давление, так это искренняя, свободная благодарность в голосе Масы.

Она знала, что сегодня убила людей.

Но от нее почти не ускользнуло, что она их еще и спасла.

Она никогда не вспомнит, что именно она сказала Маса, но, что бы это ни было, она сомневалась, что это действительно выражало ее признательность.

До этого момента Харуно Сакура была куноичи по воле обстоятельств.

Теперь у нее было... что-то.

Это было не так полно, как амбиции Сасуке-куна, не так громко и властно, как "путь ниндзя" Наруто, но это был первый росток причины делать больше, чем просто быть. Это не было откровением, меняющим жизнь, не было чем-то настолько большим и подавляющим, не было настолько великим, чтобы смыть весь страх и ужас, который все еще цеплялся за нее, но этого было достаточно, чтобы умерить его. Этого было достаточно, чтобы на мгновение дать ей

возможность дышать.

Этого было достаточно, чтобы вернуть ее на мост. Этого хватило, чтобы пережить остаток дня. Помогло и то, что Тазуна и его рабочая команда прекрасно восстановились. Когда все остальные вели себя так, словно все было как обычно, ей было легче справляться со своими обязанностями. Часть ее была благодарна за это, а другая часть хотела, чтобы весь мир был так же потрясен, как и она. Но последнее было слабее, и, прикоснувшись к шемагу Маса для уверенности, она обнаружила, что солнце все еще движется по небу в том же темпе, что и утром.

В конце концов оно опустилось к горизонту, и Тадзуна с остальными начали собирать свои инструменты. А Сакура впервые после возвращения из клиники заговорила с Какаши-сенсеем. "Почему... почему вы так долго?" - спросила она низким голосом.

<http://tl.rulate.ru/book/100569/3438570>